

Вацлав Воровский

Лишние люди

Вацлав Воровский

Лишние люди

«Public Domain»

1905

Воровский В. В.

Лишние люди / В. В. Воровский — «Public Domain», 1905

«Могучим потоком движется жизнь все «вперед – и выше», «вперед – и выше», увлекая за собой все живое и жизнеспособное, заражая бодрым, радостным настроением, суля бесконечные перспективы. «Пусть сильнее грянет буря» – льется песнь буревестника, и эта песнь наполняет душу не страхом перед стихией, а мужеством и жаждой жизни, сознанием силы, переливающейся «живчиком по жилочкам» и рвущейся к делу. И среди этого могучего хора пробуждающейся весны жалким диссонансом звучат заунывные голоса отмирающего поколения, пережившего свои мечты и желания...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Вацлав Воровский

Лишние люди

*Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.*

Faust, II Theil

I

Могучим потоком движется жизнь все «вперед – и выше», «вперед – и выше», увлекая за собой все живое и жизнеспособное, заражая бодрым, радостным настроением, суля бесконечные перспективы. «Пусть сильнее грянет буря» – льется песнь буревестника, и эта песнь наполняет душу не страхом перед стихией, а мужеством и жаждой жизни, сознанием силы, переливающейся «живчиком по жилочкам» и рвущейся к делу. И среди этого могучего хора пробуждающейся весны жалким диссонансом звучат заунывные голоса отмирающего поколения, пережившего свои мечты и желания. Грустной вереницей проходят бесславные потомки некогда славных отцов перед нашими глазами в пьесах А. П. Чехова. Без веры, без воли, без желаний коротают они свой печальный век, – эти «лишние люди».

Лишние люди!.. Какое нелепое, какое уродливое сочетание понятий. Для людей, провозгласивших *человека* царем творенья, поставивших его на первое место среди всего сущего, казалось бы, может быть «лишним» все, что угодно, только не сам человек. А между тем, несмотря на торжественные гимны человеку со стороны идеалистов и менее высокопарное, но более глубокое уважение к нему со стороны реалистов, жизнь немилосердно коверкает людей и ставит их нередко в такие условия, где они оказываются совсем лишними.

«Я умираю от стыда при мысли, – жалуется Иванов, – что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди...»

И этот «здоровый, сильный», но лишний человек такими мрачными красками рисует свое душевное состояние:

«С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?»

А за ним мрачными рядами проходят другие, такие же «лишние люди» – Астровы, дяди Вани, Тузенбахи, злополучные «сестры», несчастные «чайки», владельцы «вишневых садов», и много их, и все они угрюмые, измученные мелкими, но безысходными страданиями, и жалкие этой мелочностью своих страданий. Сквозь дымку идеализации – или, вернее, поэтической жалости и сострадания, которыми окружил своих героев автор, проглядывает все ничтожество этой серенькой, туманной жизни, грустной и отталкивающей, как дождливый осенний день.

«Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас, – справедливо замечает Астров, – будут презирать нас за то, что мы прожили наши жизни так глупо и безвкусно». «Мы стали такими же пошляками, как все», – признается он ниже.

А между тем автор не задавался целью изображать и поэтизировать пошлых, ничтожных людишек. Напротив, он довольно ясно дает понять, что все это были когда-то умные, деятельные люди, своего рода лучшие люди данного общественного круга. Правда, этот общественный круг не был предназначен историей для свершения великих дел, мировых подвигов; правда, задачи этого круга – узко групповые, редко охватывающие интересы более широких

слоев общества, – не открывали широких горизонтов, не давали места смелым порывам общественного творчества. Неудивительно, что и величина героев этого круга, и размах их деятельности так незначительны.

Русская литература недалекого прошлого, особенно 60-х и 70-х годов, приучила нас к типам, представляющим более крупный общественный интерес. Литературные герои этой эпохи искали подвигов, ставили себе широкие общественные задачи, а потому неудивительно, если размах «дерзаний» какого-нибудь Иванова, – например, его «подвиг» женитьбы на еврейке или его «необыкновенные школы», – вызывают только добродушную улыбку.

Входя в круг героев чеховских пьес, мы входим в мирное обывательское болотце, где самодовольно квакают лягушки и чинно плавают жирные утки со своим многочисленным потомством. И когда какой-нибудь юный утеныш, увлеченный примером пролетающих диких уток, вздумает подняться к поднебесью, нам нечего удивляться, если он, долетев до ближнего ивового куста, грузно шлепнется в воду и станет горько жаловаться, что взвалил себе на спину непосильную ношу. И старые утки с облегчением вздохнут и будут утешать его, причитая: и мы были молоды, и мы рвались к идеалу, да что делать, лбом стены не прошибешь, не перешибешь обуха плетью и т. д.

Было время, когда Иванов – «единственный во всем уезде путевый малый» – был живым и жизнерадостным человеком. «Был я молодым, горячим, искренним, неглупым, – рассказывает он про себя, – любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятилет, сражался с мельницами, бился лбом о стены».

Но, когда мы от этих эффектных заявлений перейдем к реальному содержанию его работы и борьбы «с мельницами», мы сразу увидим, как, в сущности, мелко плавают наш герой. Судить о том, во что он верил и из-за чего бился лбом о стену, мы можем по его назидательным советам врачу Львову. «Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках... не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами и не бейтесь лбом о стену... Да хранит вас Бог от всевозможных *рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей...*»

Программа, как видите, не особенно страшная, тем более, что из родственной общественной среды в наши дни выдвигаются более крупные задачи, осуществление которых требует несравненно больших сил и гражданских доблестей. Неудивительно поэтому, что нас мало трогает, когда Иванов старается объяснить свой упадок:

«Не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и натянулись жилы... И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся...»

Еще тусклее и мелочнее *anamnesis*¹ другого героя, трогającego своей судьбой многие нежные сердца, – дяди Вани. Этот – некогда «светлая личность», по уверению его матери, – всю свою жизнь ухлопал на служение профессору эстетики, казавшемуся ему гением. В конце концов гений оказался ничтожеством.

«Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, – жалуется дядя Ваня, – я работал на него, как вол!.. Я гордился им и его наукой, я жил и дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... И я обманут... Вижу – глупо обманут...»

И, когда он понял наконец, что обманут, его охватило такое же отчаяние, как Иванова. Но ему было уже под пятьдесят лет, у него уже не могло найтись энергии, чтобы покончить с пошлой жизнью. И он начал ныть:

«Что мне делать. Что мне делать?.. Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... с чего начать...» На что Астров отвечал вполне резонно: «Э, ну тебя! Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, – безнадежно!»

¹ Описание условий, предшествовавших заболеванию (*греч.*). – Ред.

И если мы присмотримся к жизни и идеалам всех прочих «лишних людей», изображенных Чеховым, и кружка «трех сестер» и обитателей «вишневого сада», мы всюду увидим ту же черту: мелочность идеалов и жизненных задач и большое горе и страдание, когда эти идеалы и задачи разрушают жизнь. И эта противоположность и несоответствие между желанием и страданием от неосуществившегося желания, делающее, на первый взгляд, жалким и смешным само страдание, при ближайшем изучении приобретают более глубокий и, так сказать, исторический смысл. Чеховские герои являются эпигонами поколений, сыгравших в свое время крупную историческую роль, их гибель – это заключительный эпизод в жизни целого общественного течения. В качестве эпигонов, в качестве представителей вымирающего, неспособного к самостоятельной жизни направления, они, поскольку не переходят на точку зрения других, более жизненных течений, по необходимости обезличиваются, выцветают, спускаются от общественного до личного, от действенной энергии до апатии и разочарования.

Все, что среди них способно еще ожить в лучших условиях, способно еще пустить новые корни и зацвести к новой жизни, – все эти элементы бегут из родной среды, как это делает Аня со своим студентом («Вишневый сад»). Сама эта среда разлагается, разрушаются связывавшие ее единство интересов и характерная групповая психология, совершается постепенное распадение и индивидуализация.

Индивидуальные задачи, с которыми выступают отдельные члены этой общественной группы, являются и по историческому значению самой группы, и по их индивидуальному характеру мелочными по сравнению со всем грандиозным общественным процессом и выдвигаемыми им мировыми или хотя бы только национальными задачами; жизнь всей среды и отдельных ее членов становится тусклой и бесцветной, замолкают и замирают все общественные альтруистические инстинкты, а место их занимает беспредельно господствующая мещанская пошлость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.